Часть первая

Глава 1

Она сидела на балконе отеля, забронированного перед самым вылетом. Выбирать, изучая рейтинги, читая отзывы, отмечая удаленность от пляжа, времени не было. Главное знать, куда, как в народе говорится, бросить кости по прилете, и обозначить адрес таксисту. И Таня ткнула в страницу того отеля, что ей приглянулся визуально. Оплатив бронь, перевела телефон в авиарежим, поудобнее устроилась в кресле, закрыла глаза и мгновенно уснула. Ее разбудила стюардесса.

— Я есть не буду, спасибо, — сказала ей Таня.

— Обед вы проспали, — весело ответила ей та. — Самолет приземлился. Мы в Анталье.

Таня вскинулась, огляделась. В салоне ни одного пассажира. Только она, сидящая в хвосте у иллюминатора.

Пять часов проспала. Пристегнутая ремнем безопасности, на неразложенном кресле. Вот это ничего себе! Раньше Таня в самолетах глаз сомкнуть не могла. И дискомфортно, и шумно, и немного страшно. В бизнесе могла подремать, выпив перед взлетом немного виски, но в лютом экономе, где разгоряченные алкоголем из дьюти-фри мужички, громко обсуждающие политику, их

жены, спорящие о том, чей отель круче, орущие дети, вечно чем-то недовольные бабки... Нет, в экономе Таня никогда не засыпала. Да и летала им нечасто. Была возможность путешествовать с комфортом. Но сегодня она купила билет на первый вылетающий из Домодедова самолет. Им оказался чартер до Антальи.

Таня быстро прошла паспортный контроль, нашла таксиста, договорилась с ним. Оказалось, ее отель находится в Алании. А это два с лишним часа езды. Таня была так вымотана, что вбила в поисковой строке сайта бронирования отелей не тот город.

— Да вы не печальтесь, — на хорошем русском сказал таксист. Он оказался азербайджанцем. — Это даже хорошо, что вы с городом ошиблись. В Алании теплее, и сезон там в самом разгаре, а тут уже к концу подходит.

— Ехать далеко, — вздохнула Таня. Ей очень хотелось принять душ, поесть супа и снова поспать, но уже в удобной кровати.

— Можем по пути заехать куда-нибудь. Покушать или искупаться. — И игриво сверкнул на нее черным глазом.

— Ой, нет. Чем быстрее приедем, тем лучше.

— Бывали уже в Турции?

— Нет, первый раз.

Странно для россиянки. Обычно все начинали свои заграничные путешествия с Турции или Египта. Реже с Таиланда или Кубы. Таня же дебютировала нестандартно: отправилась на Лазурный Берег. А до этого только в Анапе отдыхала. И Ницца ей показалась похожей на этот российский курорт. Сервис лучше, естественно, пафоса больше в разы, а так ничего особенного. Большая курортная деревня с приставкой «лакшери».

— С вашего позволения я немного подремлю, — сказала Таня таксисту и вытянулась на сиденье.

Она думала, что просто сделает вид, что спит, дабы избежать последующих заигрываний, но к собственному удивлению снова отключилась.

— Приехали, — сообщил таксист, притормозив у высотного здания, расположенного в обычном жилом районе.

— Это мой отель? — Тот кинул. — А где же море?

— Недалеко. Минут десять-пятнадцать идти. Главное, не заблудиться.

Час от часу не легче! Топать больше километра по жаре... Еще и плутать! Не этого Тане хотелось. Но что теперь поделаешь?

При заселении оказалось, что отель работает по системе «все включено». Таню, которая почти не пила, а если и употребляла алкоголь, то только премиум-класса, а также не ела мяса, это не порадовало. Лучше бы при отеле был хороший ресторан а-ля карт. И все же она отправилась в столовую на ужин. И оказалось, именно ей, вегетарианке, было чем наесться. Тут и супчик чечевичный, и овощи разнообразные, свежие и на гриле, и булгур рассыпчатый, и дивный хлеб. А еще арбузы, дыни, виноград! Таня слопала столько всего, что ее плоский живот надулся. Отдуваясь, она поднялась в номер. Он находился на восьмом этаже и состоял из двух комнат. Из гостиной был выход на огромный балкон. На нем — стол, стулья. Татьяна уселась на один, чтобы полюбоваться видом. А он открывался потрясающий! Слева гора с древней крепостью, впереди море хоть и далекое, но все равно манящее, справа мечеть с двумя минаретами, за ней те же горы, небо, опаленное закатным солнцем...

«Жаль, не купила в дьюти-фри мятного ликера», — подумала Таня. Она заходила туда за конфетами и водой. Продавец-консультант предложил ей приобрести алкоголь по акции. В том числе мятный ликер. Она отказалась, хотя он был качественным и стоил недорого. Но Таня в тот момент не могла думать о выпивке. А сейчас бы с радостью приняла стаканчик разведенного тоником ликера.

...В дверь постучали. Таня подпрыгнула от испуга. Кого там еще принесло?

«Горничную», — самой себе ответила она. Она просила у нее одеяло, поскольку даже летом укрывалась им, а ни в одном из шкафов не нашла хотя бы пледа.

— Нервы ни к черту, — тяжело вздохнула Таня, после чего пошла открывать дверь.

Спустя десять минут она покинула номер. Хотелось на море. Хотя бы посмотреть на него, побродить по кромке, а лучше искупаться. Вода, как известно, смывает весь негатив, а его немало накопилось. Одна беда, у Тани не было купальника. Она прилетела с минимумом вещей, и они все поместились в сумку для спортзала. Там смена белья, джинсы, кофта, пара футболок, любимая пижама и фен. Только им Таня могла укладывать свои пушащиеся волосы. Собственно, кроме него, можно было не брать ничего. Все покупается на месте, когда при себе и валюта, и карта международного банка. Сейчас у Тани в кармане лежала сотня евро. Она поменяла купюру на ресепшене, получила взамен больше десятка других, турецких. Цен она не знала, но подозревала, что на них можно купить в обычной пляжной лавке купальник, полотенце, сланцы. Еще ей не помешала бы сумка. Не таскать же свою фирменную на пляж.

Таня дошла до главной улицы города — бульвара Ататюрка. На нем сплошные магазины. Витрины завалены товаром с логотипами известных люксовых брендов. Тут тебе и «Прада» и «Версаче». А главное, все по десять-двадцать евро.

— Девушка, заходи, посмотри! — бросился к ней продавец. Он был одет в псевдофирменные шмотки, которыми торговал, идеально причесан, побрит, но при этом не очень хорошо пах. Вспотел за день работы, понятно.

— Как вы поняли, что я русская? — удивилась Таня. В тех странах, где она бывала, ее принимали за скандинавку. Реже, немку. У нее суховатое лицо, прозрачные глаза, светлые волосы.

— Потому что ты красивая! А самые красивые...

Тут Таня поняла, что он увидел ее татуировку. Маленькую, в несколько слов, и они были написаны на русском. А комплименты — часть его работы. И какой бы нации ни была женщина, она становилась прекраснейшей представительницей своей страны.

— Мне нужен купальник. Есть у вас?

— Много-много! Хочешь «Гуччи», хочешь «Шанель»? — И указал на ряд манекенов в купальниках. Все они были одинаковыми, только логотипы на них менялись.

— А есть простые?

— Все есть!

И на самом деле нашлись и обычные купальники, без претензий на эксклюзивность. Таня выбрала простое черное бикини. К нему тунику в маках. Полотенце тоже нашла и сумку. Все делала самостоятельно. Продавец ей только мешал: он был слишком навязчив, нагл (пытался подглядывать за ней в примерочной) и запахом раздражал. Остаток

лось купить сланцы. Таня направилась в обувной отдел. Там перебирал коробки высокий широкоплечий брюнет в голубой рубашке с подвернутыми рукавами и бежевых шортах. На его руке были швейцарские часы. Не поддельные — настоящие, уж она разбиралась. И этот мужчина не вонял. Таня поняла, что перед ней хозяин магазина.

— У вас есть вот такие же сланцы, только черные? — обратилась она к нему, ткнув в понравившуюся пару. Брюнет посмотрел на Таню с недоумением. Та повторила свой вопрос на английском.

— Девушка, я тут не работаю, — на чистейшем русском ответил ей брюнет.

— Извините, — пробормотала она и схватила белые сланцы. И такие сойдут.

На кассе выяснилось, что ста евро не хватает. С Тани требовали больше. Когда она сказала, что у нее только эта сумма, согласились пойти на уступки.

— Всему этому красная цена шестьдесят евро, — услышала она над ухом. — Торгуйтесь. Тут так принято.

Таня подняла глаза и увидела лицо того, кого она приняла за хозяина магазина.

— Я не умею.

— Это заметно. — Мужчина чуть подвинул ее, взял вещи, запихал их в новую сумку и сказал: — Тысяча лир.

Продавец начал, естественно, возмущаться. Уверял, что закупка у товара больше. И все же отдал его за предложенную сумму.

— Спасибо вам, — поблагодарила незнакомца Таня. Не то чтобы она очень нуждалась в деньгах, но приятно было осознавать, что торгаши ее не надурили.

Мужчина подмигнул Тане, пожелал ей приятного вечера и отправился по своим делам. Она же зашагала к пляжу.

Вода оказалась теплой. Таня бултыхалась в ней, повизгивая от радости. Разок даже нырнула с головой.

Из моря она выбралась уже после заката. Ополоснувшись и переодевшись в сухое, Таня направилась к пляжному кафе. Оно было хорошо освещено, и она видела диванчики с подушками, симпатичные растения в кадках, барную стойку с красивыми бутылками. Благодаря черноволосому незнакомцу она сэкономила сорок евро и могла их потратить на посиделки в приглянувшемся заведении.

Зайдя туда, Таня осмотрелась. Решала, куда сесть. Хотелось разместиться с удобством, но чтобы и море было видно.

— Лучшее место здесь, — услышала она уже знакомый голос. Обернувшись на него, увидела брюнета в голубой рубашке. Он указывал на диванчик под пальмой. Сам он сидел рядом, на кресле, и пил кофе. — И удобно, и море видно. А еще никто не мельтешит. Присаживайтесь.

Татьяна так и сделала.

— Разрешите представиться, Иван.

— А я приняла вас за турка...

— Не вы одна. Но я русский. Родом из Коломны.

— Здесь живете или?..

— Или. Решил продлить лето, приехал на месяц в Аланию. А вы?

— Тоже. — Не стала она откровенничать с незнакомцем. — Я Таня из Москвы.

— Итак... Она звалась Татьяной. — Иван улыбнулся одними глазами. Серо-зелеными. В окружении густых темных ресниц они очень выразительно

смотрелись. — Не перейти ли нам на ты? — Она согласно кивнула. — Я собираюсь заказать рыбу на гриле. Будешь?

— Нет, я сыта. Поужинала в отеле. — О том, что она не ест не только мясо, но и рыбу, говорить не стала. — А кофе выпью с удовольствием.

— Ничего покрепче не желаешь?

— Бокал белого вина?

— Не советую. Тут подают местное, а оно не очень. Предлагаю коктейль на основе мятного ликера.

— Именно о нем я мечтала пару часов назад, — едва сдержала удивление Таня. Он что, мысли читает?

— Я, если что, экстрасенс, — сообщил Иван и подозвал официанта, чтобы сделать заказ.

— Ты серьезно?

— Более чем.

Лицо Ивана оставалось непроницаемым, и Таня готова была ему поверить. Она сталкивалась с людьми, обладающими паранормальными способностями. Не с шарлатанами, зарабатывающими на жизнь запудриванием мозгов, а альтернативно одаренными личностями. Ее дочка была такой. С малых лет она видела то, что ото всех скрыто, чувствовала сверхтонко, могла снимать боль прикосновениями...

Но новый знакомец Тани оказался просто шутником. Он через несколько секунд расхохотался:

— Да я прикалываюсь!

Татьяна натянуто улыбнулась.

— А ты что, веришь в экстрасенсов?

Она пожала плечами.

— По профессии я инженер-проектировщик. Пять лет назад смог разработать передовую систему вентиляции подвальных помещений и за-

патентовать ее. Так что на сегодняшний момент я бездельник.

— Богач, ты хотел сказать?

— Нет, это не те деньги, на которые покупают яхты и самолеты. Но на квартиру и приличную машину я заработал.

— И еще на часы. — Она указала на его «Вашерон».

— Это подарок жены... — Иван проследил за лицом Тани. Ждал реакции. Но она умела скрывать разочарование. — Бывшей, — добавил-таки Иван. — Мы развелись три года назад.

— Отношения не выдержали испытания деньгами?

— Да. Супруга была успешнее меня, и ей это нравилось. Когда я чего-то добился, ей стало со мной неинтересно.

— Есть дети?

— Сын. У нас отличные отношения. Сюда мы вместе прилетели, но ему пришлось через неделю вернуться в Москву — учеба. А у тебя что с личной жизнью?

— Тоже в разводе. И сын сесть. Он с папой живет.

— Сам так решил? — Таня кивнула. — Он у тебя вундеркинд?

— Нет, обычный мальчик, а почему ты?..

— Тебе больше двадцати пяти не дашь, и значит, твоему сыну года три-четыре.

— Ему двенадцать, — улыбнулась она. — А мне тридцать.

К их столику вернулся официант, но уже с подносом. На нем два коктейля в пузатых бокалах с зонтиками, кофе и вода.

Иван с Татьяной чокнулись и выпили за знакомство.

— Как купальник? Не развалился после первого заплыва?

— Цел, — улыбнулась она. Коктейль оказался очень вкусным, алкоголь в нем не чувствовался, поэтому Таня зараз выпила половину стакана. — У тебя тут квартира?

— В аренде. Думаю, купить недвижимость в Турции, но пока не определился с городом.

— Между какими выбор?

— Алания, Бодрум и Стамбул. — Он метнул взгляд в сторону кухни. Проголодался, бедняга. Такие богатыри, как он, поесть любят. — Ты бы на каком городе остановилась?

— Я в Турции впервые, и даже Аланию еще не видела. Разве что с балкона.

— Это надо исправить.

— Точно.

— Поднимемся завтра на крепость?

— Мне бы очень хотелось. Как я поняла, до нее на фуникулере добираются?

— В том числе. Высоты не боишься?

Она ответила отрицательно. Замкнутые пространства ее пугали. Пещеры особенно. А высота манила. Когда Таня с бывшим мужем отдыхала в Дубае, то на смотровую площадку Бурдж-Халифа поднималась трижды. А это полкилометра над землей.

Ване принесли рыбу. К ней в качестве комплимента от заведения оливки, овощи, какие-то соусы. Но главное — только что испеченный хлеб. Он походил на надувную подушку. Был положен на деревянную доску, а пах просто фантастически.

— Это экмек, — сообщил Иван и воткнул в «подушку» вилку. Воздух тут же вышел из нее. — Тесто пресное, потому что остальная пища приправлена множеством специй. Например, вот эта

закуска, — он зачерпнул массу, похожую на ад-
жику, — называется эзме. Попробуй ее с экмеком.

Таня так и сделала.

— Вкусно, — сказала она, прожевав. И только
тут заметила, что им принесли еще по коктейлю.

Правила одного бокала Татьяна придержива-
лась на протяжении всей сознательной жизни.
Могла взять второй, но лишь пригубить его. Она
ни разу не напивалась. Но, может, пришло время,
когда стоит сделать это? Нет, не надраться, а хо-
рошенько накатить, чтобы захмелеть и натворить
глупостей...

— Что, слишком остро? — услышала она голос
Ивана.

— Нет, нормально. А что?

— Ты покраснела.

— От срамных мыслей, — могла бы просветить
его Таня. В своем воображении она уже обжима-
лась с Ваней под раскидистой пальмой. Он очень
ее привлекал. Большой, бородатый, белозубый,
Иван олицетворял мужественность.

— Захмелела? — Пришлось кивнуть. — А мне
надо этих коктейлей цистерну выпить, чтоб хоть
какого-то эффекта добиться. Организм к алкоголю
стойек, поэтому я ни разу не был пьян в дрова, и по-
сле гулянок друзей по домам растаскиваю.

— Они алкаши?

— Нет, обычные мужики, которым иногда
нужно выпустить пар.

Они долго еще болтали, до закрытия кафе, по-
том Иван пошел Таню провожать.

У крыльца отеля они простились, обменялись
номерами и договорились встретиться завтра на
этом же месте. Таня, перед тем как взойти на пер-
вую ступеньку, замешкалась. Ей хотелось, чтоб
Иван поцеловал ее, не смачно, в засос, а легко

коснувшись щеки. Они все же только познакомились, и обжиматься под пальмами и лобзаться на крыльце, это перебор! А невинный чмок вполне уместен. Но Ваня лишь сжал ее руку. Пришлось уходить с легким чувством разочарования.

Она развелась девять месяцев назад. И за это время у нее не было ни одного мужчины. Не потому, что она строила из себя недотрогу или стеснялась своей неопытности (она не изменяла мужу, а с ним они сексом занимались нечасто), просто Тане никто не нравился. Иван же произвел такое сильное впечатление, что она в свои тридцать трепетала как школьница.

Чтобы избавиться от срамных мыслей, Таня встала под холодный душ, после чего забралась в кровать и снова уснула.

* * *

Она вышла замуж в день своего восемнадцатилетия. И тому была причина — Таня ждала ребенка.

С его отцом, Виктором Мазаевым, она познакомилась, учась на первом курсе института. Только начала свой студенческий путь, немного освоилась, влилась в компанию сокурсников и отправилась с новоиспеченными подружками отмечать это дело в кафе. Завалились по незнанию в какое-то дорогое. По счету расплатиться не смогли. Их выручил Витя. Оплатил счет, после чего позвал Таню на прогулку на катере по Москве-реке. Она отказалась, но телефон спасителю оставила.

Он позвонил уже на следующий день. И повел Таню в «Макдоналдс», чтоб не смущать. Она понимала, что он старше. А он... Нет! То есть Витя не догадывался о том, что Таня малолетка. Думал, курсе на третьем учится, и ей двадцать. Ему три-

дцать один, но это не страшно. У них быстро закрутилось. Он умел красиво ухаживать, а она была неопытна. То, что ему досталась девственница, удивило, но на размышления не натолкнуло.

Таня забеременела после первой же проведенной вместе ночи. Второй, максимум. Они тогда на ноябрьские праздники уехали за город, и сексом занимались постоянно. В Москву Таня вернулась уже «заикренной». Так дед-хохмач беременных называл. Спустя месяц между любовниками состоялся серьезный разговор.

— Витя, я жду ребенка, — сообщила Мазаеву Таня.

— Как? Я же в тебя не... Эякулировал, — корректно заменил он слово «спускал».

— Значит, поздно вытащил, — со знанием дела парировала она. Подружки просветили. Третью прошла через это же. Но все сделали аборт, а Таня не хотела. Боялась остаться бесплодной. — Я намерена рожать.

— Не рановато?

— Уж как получилось...

— Хорошо, я поддерживаю твое решение, хотя, мне кажется, оно ребяческое. Ты как доучиваться собираешься?

— Да я только начала. Еще ни одной сессии не сдала.

— Как так?

— Я первокурсница, Витя! — призналась Таня. Она не обманывала его до этого, просто не говорила правды. А он и не настаивал. Витя любил поговорить о себе, а Танюшка не мешала.

— И сколько тебе лет? — сипло спросил Витя. Он боялся ответа, который получил.

— Семнадцать. — Он пусть едва слышно, но все же охнул. Таня поспешила Витю успокоить: —

Но я уже через полтора месяца стану совершеннолетней, и мы поженимся... Если ты, конечно, согласен взять меня в жены.

— Конечно, да, — горячо заверил ее Виктор. Неприятностей с беременной малолеткой ему еще не хватало!

Он сделал все честь по чести: устроил романтическое предложение руки и сердца, оплатил торжество, свозил в свадебное путешествие. Виктор не любил Таню и планировал с ней развестись, но она оказалась примерной женой и отличной матерью... двойняшек! Родились мальчик и девочка, очень похожие внешне, но разные по характеру. Тане ближе была дочка Ангелина, нежная, веселая, чувствительная девочка, умеющая рисовать, танцевать, прекрасно петь. Она устраивала концерты для родителей и гостей дома уже в два с половиной года, и все говорили — артисткой станет. Брат же ее был серьезным, сосредоточенным лишь на конструкторах. Любил одиночество, потому что мама с сестрой мешали ему собирать из «Лего» замки или роботов. Мать донимала своей заботой, сестра наводила бардак. В этом дети тоже были разными. Ангелина разбрасывала вещи, вечно что-то теряла, могла забыть покормить рыбок, а Марк сам застилал кровать, складывал игрушки, следил за тем, чтоб гупши не подошли (а их завели по просьбе Гели). Его никто не заставлял и даже не учил, мальчик сам к этому пришел. Папа хвалил сына за это, а дочку поругивал за разгильдяйство. Заодно и жену, не приучающую девочку к порядку. А Таня принимала ее такой, как есть. И любила безмерно.

Когда выяснилось, что у Ангелины некие особые способности, мать всячески ее поддерживала. Считала, их надо развивать. Виктор с Мар-

ком только фыркали и закатывали глаза. Хорошо на смех не поднимали. Детям тогда было уже по восемь, они учились в школах... Разных! Марк с уклоном в точные науки, Ангелина — в гуманитарные. Сын участвовал в математических олимпиадах, дочь в театральных постановках, концертах, выставках. В школы их возила Таня, как и на кружки. Пока ребяташки занимались, приводила в порядок дом (чужаков в нем Витя не любил, так что никаких клининговых служб), готовила, занималась обеспечением детей и мужа нужным, то есть вкалывала домохозяйкой на полную ставку, поэтому ни на учебу, ни на хоть какую-то работу, пусть и для души, времени не было. Она, конечно, старалась заниматься самообразованием, читала, смотрела документалки, осваивала английский и испанский, но ей самой казалось это недостаточным. Не дура — и только.

Виктор же посвящал себя бизнесу. В нем он многого добился, поэтому его семья ни в чем не нуждалась. Прекрасный дом, лучшие школы и кружки для детей, три машины (одна для баловства, «ретрокадиллак»), отдых на лучших курортах. Когда близнецам исполнилось десять, Виктор решил вывезти семью на Шри-Ланку. Марк захотел освоить серфинг, и отец не смог ему отказать. Татьяна была против. Курорт еще был закрыт для туристов после пандемии, лететь с пересадками, многие отели не работали, еще и риск заразиться ковидом оставался. Не лучше ли выбрать другое направление? Да хоть бы уже изведанный Дубай. Там в крытых бассейнах такую волну создают — не хуже океанской. Ангелина тоже не хотела на Шри-Ланку. Но не по этим причинам. У нее было дурное предчувствие. Девочка даже попыталась притвориться больной, чтобы ее не брали с собой,

а оставили с бабушкой. Но Виктор уперся. И естественно, вышло по его.

Они летели бизнес-классом и все равно устали. Поселились на вилле. Там было много живности, но именно она немного успокоила Ангелину. Девочка возилась с паучками, тараканами, бабочками. Она их не боялась. Даже змеи у Гели не вызывали ужаса. И агрессивные собаки. Как-то, еще в Москве, на них кинулась одна крупная дворняга с пеной у рта. Таня выгружала из багажника покупки, не успела вовремя среагировать, и с ужасом наблюдала за тем, как ее дочь берет псину за голову и начинает почесывать за ушами. Зверюга тут же угомонилась, опустилась на брюхо и начала мести хвостом. Ангелина настояла на том, чтобы мама отвезла ее к ветеринару. У собаки оказался клещ. Ее вылечили и пристроили в хорошие руки.

Пока девочки ловили бабочек и барахтались в бассейне, мальчики под чутким руководством инструктора осваивали серфинг. Ужинали в бухте морепродуктами. Все, кроме Ангелины: она ела только овощи, фрукты, орехи. Веган от рождения. Чистое дитя. Такое переделывать, только портить. А Виктор пытался. Ему была непонятна дочь. По-своему он ее любил, но не беззаветно, как Таня. Жену же господин Мазаев не любил, но она была ему понятна. Вот и выходило, что только Марк был его отрадой. Поэтому поездку он организовал в первую очередь для него. И наслаждался временем, проведенным с любимым и понятным сыном.

В один из дней Ангелина притащила в дом огромную гусеницу с рогами. Она виделась ей прекрасной! Марк же брезгливо отбросил ее, а Виктор пнул, чтобы личинка вылетела за порог. Геля расплакалась, а мама как раз поехала на ближайший

рынок за фруктами. Ее не было буквально двадцать минут, но когда она вернулась, то не нашла Гели. Муж с сыном отдыхали после занятий серфингом, она встряхнула Виктора и спросила, где дочь. Тот ответил:

— В бассейне, наверное. — И повернулся на бок, чтобы вернуться ко сну.

— Ее там нет!

— Значит, пошла прогуляться по саду и найти очередную уродливую гусеницу.

— Что произошло в мое отсутствие?

— Да ничего особенного, — проворчал муж. — Ангелина принесла какую-то пакость, мы ее выкинули.

Таня выбежала в сад. Теперь у нее появилось дурное предчувствие. Особенно после того, как увидела мертвую рогатую гусеницу. Татьяна обещала всю территорию, выкрикивая имя дочери. Виктор услышал ее голос и вскочил с кровати. Выглянув в открытое окно, обеспокоенно спросил:

— Нигде нет?

Таня отмахнулась и кинулась к калитке, через которую попадаешь сразу к океану. Она оказалась незапертой. Ее педантичные муж с сыном всегда задвигали щеколду.

— Таня, успокойся, не паникуй, — слышала она за спиной голос Виктора. — Ангелина просто вышла погулять за территорию...

И тут она увидела следы на песке. Отпечатки маленьких ножек. Они вели к океану. Геле нравилось играть с крабиками, но Таня ее одну никогда не отпускала. Волна бывала огромной, только зазеваешься, тебя уже сносит. И это взрослого человека, а ребенка десяти лет давно...

— Неужто она пошла одна к океану? — это снова Витя.

— А ты, отец, на что? — заорала Таня. — Со-проводил бы... Или не пустил, ты же любишь ей что-то запрещать! Но ты уснул!

— Не кричи на меня...

— Да пошел ты!

Так Таня с мужем еще не разговаривала. Она всегда была сдержанна, уважительна... Но ее ребенок пропал!

Второй тоже выбежал. Обгоревший нос, про-явившиеся на щеках веснушки, поджатые по привычке губы, но непривычное выражение глаз: в них паника. Марк, как и отец, хоть и не понимал сестру, но по-своему любил. Поэтому переживал за нее.

Всей семьей они искали Гелю, чьи следы вели до самой кромки океана. Потом им в этом помогала местная полиция при помощи береговой охраны. Ангелину не нашли. Местный рыбак сказал, скорее всего, ее забрал океан и уже не отдаст.

Мазаевы вернулась в Москву. Виктор и Марк скорбели. А Таня грустила и скучала. Она не верила в то, что ее дочь погибла. Нет, только не она!

Когда муж захотел поставить дочери симво-лический памятник, Таня впала в истерику. При-шлось вызывать доктора. Ей сделали успокаиваю-щий укол и прописали антидепрессанты. Начав их пить, Татьяна впала в анабиоз. Она спала, иногда ела, рассматривала фотографии и семейные видео-записи, рисунки Ангелины, ее платица, туфельки, начиная от самых крохотных. Таня забросила все обязанности по дому, а Марка перестала возить в школу и на секцию, потому что у нее кружи-лась голова. Наверное, она забывалась и прини-мала таблетки не по графику. Решила бросить, но состояние не изменилось.

— Дорогая, нам нужно поговорить, — спустя две недели после этого сказал ей Виктор.

— Слушаю тебя.

— Смирись уже с тем, что нашей дочери больше нет.

— Она жива!

— Если ты надеешься на это, ничего страшного. Но о нас не забывай. У тебя муж, сын...

— Которые улеглись спать сразу после того, как отобрали у Гели ее питомца, а потом убили его?

— Таня, ты несправедлива к нам. Ангелина была уже взрослой девочкой, и ты сама отпускала ее одну погулять...

— К океану?

— Кто же знал, что она туда пойдет? Калитка была заперта. Как она вообще смогла дотянуться до щеколды? — Витя разошелся, начал повышать голос, но быстро взял себя в руки. — Трагедия подкосила всех нас. Я — взрослый, справлюсь, но подумай о Марке... Каково ему? Он потерял сестру, а мать перестала о нем заботиться.

— Марк прекрасно сам справляется уже несколько лет. Я не нужна ни тебе, ни ему. Или вас заботит то, что я перестала убирать, готовить, закупать ему книги, которые требуются, а тебе обновлять носки? Дайте мне отойти. Пожалуйста.

Конечно, Таня была не права. По отношению к сыну точно. Но она пыталась надеяться на то, что Ангелина до сих пор жива. Марк же, вместо того чтобы соглашаться с ней, ради того, чтобы порадовать, точно как отец, начинал убеждать в обратном. А ведь он ребенок! В нем, десятилетнем, должна была оставаться надежда на чудо...

Татьяна более или менее пришла в себя через два месяца. Стала что-то делать по дому, изъявила желание отвезти сына в школу, а мужу помочь по-

добрать костюм. А им уже не надо, они привыкли справляться сами. И помощница по хозяйству, оказывается, появилась. Не так уж сильно Мазаев не любит в доме чужаков!

Развестись предложил именно он. Сказал, что не видит смысла в дальнейших отношениях. Пока еще оба не старые, есть вероятность найти свои половинки. Виктор, надо отдать ему должное, не стал мелочиться. Он обеспечил Таню квартирой, отдал машину, позволил забрать из дома все, что она пожелает, и даже на опеке над сыном не настаивал. Он отпустил Марка с мамой, щедро платил алименты, был внимателен к обоим. Сын сам решил, что хочет жить с отцом. Тот был ему ближе. Таня возражать не стала, она хотела лучшего для Марка.

Что удивительно (или нет?), разъехавшись, мать и сын стали лучше ладить. Они с удовольствием проводили время вместе, болтали на разные темы, регулярно созванивались. Только одна была табу — смерть Ангелины. Таня так в нее и не поверила. В своей квартире она оборудовала детскую комнату, такую, что понравилась бы дочке. Она ждала ее возвращения!

...Благодаря финансовой помощи бывшего мужа Таня могла жить, не думая о хлебе насущном. Но к безделью она не привыкла, поэтому закончила курсы кулинаров и начала печь торты и пирожные на заказ. Зарабатывала немного, но получала от своего занятия удовольствие. А как нравились ее эклеры сыну!

Чтобы не разжиреть на выпечке собственного приготовления, записалась в спортзал. Занималась регулярно и с энтузиазмом. На заигрывания посетителей и инструкторов не реагировала. Как-то, возвращаясь вечером из зала, почувствовала за

собой слезку. Кто-то шел в отдалении и сверлил Таню взглядом. Именно его она почувствовала и обернулась. Увидела силуэт. Темные очертания фигуры (даже непонятно какой — на человеке была объемная куртка с капюшоном) и огонек сигареты. Кто-то из поклонников за ней идет? К ней многие в женихи набивались, но она всем отказывала, а этот решил довести ее до дома? Она специально выбрала фитнес-центр в пешей доступности, чтобы не ездить на машине, а топтать ножками — дополнительная нагрузка.

Таня прибавила шагу и решила для себя, что больше так поздно ходить заниматься не будет. И контингент другой, незнакомый, и при свете дня не так страшно возвращаться.

Так и делала неделю-полторы. Старалась часа в три зал посещать. А один раз утром дунула. Не спалось, и Таня решила в десять утра побегать на дорожке да поприседать. На сей раз из дома вышла и почувствовала взгляд. Начала озираться. Людей много, но все вне подозрений. Поежилась Таня и пошла в направлении спортклуба. Но на заливке волосы стояли дыбом.

Нет, это не отвергнутые поклонники, поняла она. Кто-то за ней следит! И не просто поглядывает... Таня ощущала опасность. Она не обладала даром своей дочери, но та все же пошла в кого-то чувствительностью. Точно не в отца. Таня просто не прислушивалась к себе ранее, но в тот момент осознала: ей грозит опасность. Все это не просто так. На нее кто-то охотится! Но кто?

Первое, что пришло на ум — Виктор. Вспомнились фильмы, когда мужья заказывают своих бывших жен. Но они разошлись мирно. На нее ничего не записано из его собственности. С нее взять нечего! А если он хочет лишить Таню денег,

что до сих пор перечисляет, то пожалуйста. Ей будет трудно без поддержки, но она не пропадет.

Значит, не Витя. Тогда кто?

Недовольный клиент? Были у нее и такие. Одна мадам все требовала вернуть деньги за торт, потому что им якобы отравилась вся семья. Но такого не могло быть, поскольку Таня готовила из свежайших продуктов и все ингредиенты пробовала сама, и если бы ее лишь замутило, не отдала бы изделие заказчику. Другая приревновала ее к мужу. Он приехал забирать наборы пирожных, девушка-кондитер ему приглянулась, и он стал писать ей в соц-сетях. Супруга об этом узнала и устроила на Тату охоту. Естественно, виртуальную. Та устала блокировать ее аккаунты и удалять пакостные комментарии. Такие бабы обычно этим и ограничиваются, но что, если ее муженек загулял, а она решила, что с Таней? Вот и следит! А ненавидит, потому что сама похожа на жабу, и на нее благоверный давно не смотрит, как на женщину.

И все же в это как-то слабо верилось. У истеричек не хватило бы терпения сидеть в засаде, они обязательно бы налетели на Тату если не в первый день, то во второй.

Оставался один вариант, самый ужасный: ее преследует маньяк. Пусть не насильник или убийца, но человек с явными отклонениями в психике. Сейчас осень, у шизиков обострение. Что на уме у этого человека? Может, он мысленно ее расчленяет? Или, уже физически, ананирует, глядя на нее? Он планирует Таню похитить? Вломиться к ней? Сунуть в карман или сумку какую-нибудь пакость, типа дохлой крысы? Воображение чего только не рисовало...

Чтобы успокоить нервы, Таня стала принимать лекарство. Оно помогло сразу. Два дня она спо-

койно ходила, не ощущая никакой опасности. На третий отправилась в спортзал вечером, пусть и не поздним. Назанималась, напарилась, наплавалась. Пришла домой, чайку себе заварила, села телевизор смотреть. Но было как-то душно в комнате. Решила открыть форточку. Подошла к окну, взялась за ручку и замерла. Прямо под ее окнами стоял человек в мешковатой куртке с капюшоном и курил. Огонек сигареты был устремлен вверх: она жила на шестом.

Татьяна отпустила ручку. Нет, окон она открывать не будет. Еще и шторы задернет.

Когда портьеры сомкнулись, она бросилась к телефону. Нужно звонить в полицию!

Она уже набрала 112, когда замешкалась. А что она скажет оператору? Какой-то человек стоит под моими окнами? Но под ними еще пять этажей, и над ними — семь. Но даже если бы она в бараке жила, то это ничего бы не поменяло. Двор общий, гражданин, где хочет, там и останавливается, чтобы покурить. Он же ничего дурного не делает, правильно? Может, он в этом же доме живет? Поэтому уже попадался на глаза госпоже Мазаевой. А ее дурное предчувствие и опасения к делу не пришьешь. Если по вызову каждой истерички будут отправлять наряд, то настоящих преступников ловить будет некому.

Таня сунула телефон в карман халата и снова подошла к окну. Нужно хотя бы сфотографировать незнакомца. Для наглядности, что ли? Но его уже и след простыл. Это почему-то не успокоило, а наоборот — усугубило панику. Татьяна не знала, что делать. И посоветоваться не с кем! За годы брака она старых подруг растеряла, а новых не приобрела. Родителей, уже немолодых людей, она старалась лишний раз не беспокоить. Мужу зво-

нить? Но Виктор решит, что у нее опять поехала крыша, и он, чего доброго, ее отведет к доктору, а сыну порекомендует пока с матерью не видеться.

Промчавшись в прихожую, Таня проверила, заперта ли дверь. Конечно, да. На все три замка. На площадке еще пять квартир, это успокаивает. В подъезде камеры, дом под охраной. Значит, тут можно не бояться. Вломиться к ней не смогут. При желании и возможностях можно, конечно, и крепость штурмом взять, но ее-то скромную двушку зачем? Однако оставаться в ней все равно нельзя. Надо бежать куда глаза глядят. Не сейчас, в ночи, а утром. Теперь нужно его дожидаться. А это легче сказать, чем сделать.

Татьяна пыталась спать (но получалось урывками), читать, смотреть кино, периодически переключаясь на камеры наблюдения... Она чистила унитаз и раковины. Жарила блины, но не ела их, потому что кусок не лез в горло. Когда занялся рассвет, собрала две сумки, маленькую, для документов и денег, и среднюю, с которой ходила в зал. Выпила кофе, съела через силу один блин, а остальные отправила в мусор, который собрала, чтобы выкинуть. В семь, когда ее соседка повела собаку на улицу, покинула квартиру. Все же с кем-то в лифт заходить спокойнее.

У подъезда Таня осмотрелась. Вроде никого подозрительного. И ощущения, что за тобой следят, нет. А нервный мандраж остался со вчерашнего дня. Плюс усталость и недомогание от недосыпа.

Вызвав такси через приложение, Таня отправилась в аэропорт Домодедово, чтобы улететь первым же рейсом куда-нибудь подальше от Москвы.

Спрятаться. Выдохнуть. И подумать...

Глава 2

Они сидели в ресторане на горе. С высоты открывался потрясающий вид на город, горы, а главное, море, по которому рассекали пиратские яхты. Таня решила для себя, что обязательно покатается на одной из них.

— Еще чаю? — спросил у нее Иван.

— С радость выпью еще одну чашечку. — Они были маленькими, поэтому третья лишней не будет. — Турецкий чай стал для меня открытием. Вкуснее я не пила. Нужно домой купить.

— Тогда и специальный двойной чайник. Лист должен хорошо распариться, потомиться, чтобы раскрылся его вкус и аромат.

Иван много знал о Турции, потому что много раз бывал в ней. Ездил не на отдых, а по работе, и тесно общался с местными, гостил в их домах. Советовал Тане не судить обо всех по наглым торговцам и озабоченным отельным барменам, которые не пропускают ни одной юбки. Эти его самого коробили. Поэтому Иван квартиру снял не в туристическом, а в турецком квартале. И покупать собирался в таком же.

— Ты с таким интересом смотришь на пиратские яхты, — заметил он. — Хочешь покататься?

— Очень.

— Тогда давай, как спустимся с горы, так и поедем.

— А разве прогулки не дневные?

— Есть и вечерние. «Сансет» называются.

— То есть мы увидим закат?

— И поужинаем. Если захочешь, выпьем шампанского.

— А купание будет?

— Ты голышом собираешься?..

— В сумке купальник, — улыбнулась она.

Таня рано встала. И, позавтракав, отправилась на шопинг. Нужно было что-то прикупить для смены. А еще платье. И босоножки. Когда она продралась через палатки с фейками, нашла несколько больших сетевых магазинов. Ранее она в таких не одевалась и не представляла даже, что есть футболки по 200 рублей. У нее столько люксовой и просто дорогой одежды скопилось с «брачных» времен, что она вообще себе ничего не покупала за последний год.

Вещи в магазинах, на которые она набрела, были, конечно, не самого лучшего качества, зато они без фальшивых логотипов и выбросить их не жалко после нескольких стирок. Если бы Таня, покидая Москву, знала, что встретит Ивана... Нет, даже не так! Если бы она могла допустить хотя бы мысль о знакомстве с женщиной, то взяла бы с собой что-то нарядное. Перед Шри-Ланкой по настоянию Виктора она накупила массу вещей для жаркого климата. И среди них были потрясающие платья, юбки, топики. Но фирменные шмотки остались дома, и пришлось Тане помучиться, чтобы найти в «Вайкики» и «Коттоне» что-то эдакое. Но она смогла! Кроме пляжной одежды приобрела миленький сарафан и плетеные босоножки, правда, из кожзама. И его, и их она надела на свидание с Ваней. А в новую сумку, без пальм и кричащих надписей, положила купальник, тунику и сланцы. На всякий случай.

Они допили чай, Иван расплатился. Он сегодня ел говядину, а Таня овощной салат с любимейшей пресной лепешкой. Она перестала употреблять мясо и рыбу после того, как... Пропала ее дочь! Не умерла — пропала. Таня все еще не желала мириться с потерей. И верила в чудо...

Как завещала Ангелина.

— Что-то ты погрустнела, — услышала Таня голос Ивана.

— Нет, — встряхнулась та. — Я просто задумалась.

— О чем, если не секрет?

— Может ну его, этот «Сансет»? Пойдем просто искупаемся?

— Я бы с радостью, но плавок при мне нет.

Одет Иван сегодня был во все белое: футболку, шорты, кеды. Сумки нет. Телефон, ключи и деньги по карманам.

— А как бы ты с яхты нырял? Гольшом?

— Я не собирался купаться. Только любоваться тем, как это делаешь ты.

— Что нам мешает зайти в ближайшую лавку за плавками?

— Мое нежелание. — Она приостановилась и вопросительно на него посмотрела. — Для меня сейчас вода холодная. Я не хочу в нее нырять...

— Двадцать пять — холодная?

— Неделю назад была двадцать семь, я купался. А сейчас зябко.

— Какой ты неженка!

Иван раскатисто рассмеялся:

— Да я опять болтаю! Мне татуху набили позавчера. Пока нельзя мочить. А так я в Крещение в прорубь ныряю и ничего...

— И где татуха? — Те участки тела, что доступны взору, были чистыми.

— На плече. И сейчас, если что, под рубашкой заживляющий пластырь размером со школьную тетрадь.

— Что набил? — любопытствовала Таня.

— Картину Пикассо.

— Опять прикалываешься?

— На этот раз нет. Реально Пикассо. Моя любимая его картина. Били пять часов, но еще коррекция потребуется.

За этим разговором они дошли до фуникулера, заняли кабинку и начали спуск.

— Иди купайся, я подожду тебя в кафе, — предложил Иван, когда они достигли конечной точки.

— Мне одной не хочется...

— Тогда пошли в порт, возьмем билеты на «Сансет».

— Он далеко?

— Нет, минут пятнадцать идти. Но мы можем взять такси.

— Пешком, — мотнула головой Таня. По этому милому городку хотелось прогуливаться, главное, следить за движением, никто из водителей не соблюдал правил.

И они потопали. Оказалось, до порта она совсем чуть-чуть не дошла утром.

— А это что за дяденька? — спросила Таня, указав на памятник, стоящий на площади.

— Мустафа Кемаль Ататюрк, самый почитаемый в Турции человек. Тут повсюду памятники ему, как в СССР Ленину.

Ей было все интересно. Таня много путешествовала, но мало знала о тех странах, где бывала. Виктор занимался организацией их отпусков, и главным для него было отдохнуть самому и развлечь детей. Поэтому они обычно летали в теплые края, а там, конечно, не только купались и загорали, но и катались на джипах, лодках, слонах, посещали парки аттракционов, дельфинарии, смотровые площадки. А Тане хотелось на скучные, по мнению мужа, экскурсии по храмам, развалинам. Да просто по базарам и блошиным рынкам. В них дух страны...

Но нет, ее интересы не учитывались! Она жена и мать и должна находиться с семьей, ни один из членов которой, даже Ангелина, не желает ползать по разрушенным еще в прошлом веке строениям.

Таня с Иваном вышли к порту. Некоторые яхты стояли на причале, другие причаливали под бодрящую музыку. Пахло жареными каштанами и кукурузой — их продавали поодаль. А еще мидии, на вид неаппетитные. Но их покупали.

— Хочешь что-нибудь? — спросила Иван.

— Каштанов.

Он купил ей пакетик и пошел договариваться о морской прогулке. Таня уселась на лавку под раскидистой пальмой и принялась есть. Каштаны она полюбила, когда была беременной, и они с Витей отдыхали в Ницце. Там их на каждом шагу продавали. От них ее не тошнило, вот и грызла их постоянно, точно белочка.

Опустошив упаковку, Татьяна сыто выдохнула и в этот момент поняла, что наконец расслабилась. Ее перестали мучить страхи. Теперь ей думалось, что никто ее не преследовал, она себе это придумала. Ей ничего не угрожает, так что можно наслаждаться жизнью... Тем более в ней появился Иван.

Таня хоть и была в отношениях не опытна, понимала, что он может просто с ней играть. Увидел, понравилась, решил закрутить короткий курортный роман. Сейчас все красиво, но как только они переспят, он потеряет к ней интерес. Не совсем, но градус внимания снизится. Через неделю же (она забронировала отель на девять ночей) он проводит Таню до такси и с облегчением выдохнет. Все, можно искать новую женщину, благо их в курортном городе полным-полно.

— И пусть, — сказала себе она. — Неделя, но моя. Я возьму от нее все и вернусь в Москву. Главное, не влюбляться!

И тут Таня поняла, что врет самой себе. В главном врет... Она уже влюбилась! И если все будет развиваться по придуманному ею сценарию, она изведется. Как сильно, пока не осознавала. Все ее предыдущие любви были юношескими, невинными-наивными. В сознательном возрасте она один раз увлеклась. И сильно. Воспылала чувствами к педиатру, наблюдавшему близнецов с года до трех. Но Таня не могла себе позволить адюльтер, поэтому держала эмоции при себе, а в конечном итоге, дабы не поддаваться искушению, нашла другого врача. Сейчас же она в разводе, Иван тоже, и у них может получиться что-то серьезное.

— Танюша, пойдем. — Он подошел и протянул ей руку. — Яхта ждет нас.

— Здорово! И какая?

— Увы, не пиратская. Ни на одной сегодня нет вечерней прогулки. Я взял маленькую. Покатаемся на ней. А на «Черной жемчужине» в другой день.

Он вел ее за руку, и Таня млела. Рядом с Иваном она чувствовала себя Дюймовочкой, и это при ее ста семидесяти пяти. Виктор был ниже ее (хотя почему был?) и не отличался мощным телосложением. Он худо-бедно вынес ее, беременную, чуть располневшую, из загса. А Иван как пушинку бы поднял. Он выглядел как настоящий богатырь, высокий, мощный, с большими ручищами и ногой размера сорок седьмого. Не скажешь, что инженер. И как он такими огромными пальцами по кнопкам компьютера попадает? Может, у него какая-то эксклюзивная модель?

Они подошли к яхте среднего размера. Две палубы, плюс трюм, в котором вполне комфортная каюта. Таня каталась на подобных с семьей.

Капитан пригласил их на борт. Уселись на второй палубе.

— Я хочу, чтобы ты кое-что обо мне узнал, — проговорила Таня, пока яхту готовили к отплытию.

— Та-а-к... — Иван чуть напрягся. — Ты все еще замужем?

— Нет, — хмыкнула Таня. — Но мое откровение будет косвенно связано с развалившимся браком... Дело в том, что... — И замолчала, стесняясь продолжить.

— Муж все еще тебя любит и хочет вернуть? — попытался угадать Иван.

Она мотнула головой.

— У меня не было никаких отношений после развода, — выпалила-таки Таня. — В том числе несерьезных, типа, для здоровья. Более того, я ни на одно свидание не сходила за этот год.

— Даже кофе попить?

— Нет.

— Почему? — Она пожала плечами. — А почему ты с таким смущением об этом сообщаем? Я очень этому рад. Значит, ты не разменивалась и...

— И?

— Ждала меня!

Она решила, что он опять прикалывается, но Иван подсел к ней вплотную, обнял и тихо, но очень убедительно проговорил:

— Я из тех, кто, начиная отношения, надеется на счастливый конец. И под концом я подразумеваю: они умерли в один день, прожив долгую жизнь вместе.

— Только не говори, что тоже меня ждал...

— Врать не буду, связи были. Но не с теми, как я теперь понимаю. А как тебя увидел, озарило... — Он взял ее за подбородок и развернул лицом к себе. — Теперь моя очередь признаться: я не просто так оказался в том кафе. Понял, на какой пляж ты идешь, и отправился следом. Я видел, как ты плавала, как улыбалась закату. Но подходить не стал. Я сел в кафе и загадал: «Если это моя судьба, она зайдет сюда!» И ты вскоре появилась.

— Просто сюжет для мелодрамы, — пробормотала Таня, снова смутившись.

— Я романтичный идиот, каюсь.

— Романтичный инженер с внешностью богатыря... Да ты просто чудо природы!

— Так меня и называли в юности — Чудо-юдо. Я был огромным, нескладным, лохматым, очень застенчивым. Я прятался по углам, а когда неожиданно выходил, все пугались. Особенно девушки. Думал, умру девственником.

— Когда же ты преобразился?

— Я в глубине души все тот же. Но внешне начал меняться на втором курсе универа, когда занялся регби. Меня взяли в команду из-за габаритов, я в теории мог без труда снести несколько игроков. Но я же Чудо-юдо, прячущееся по углам, какой из меня нападающий? Спасибо тренеру, смог меня наставить.

— Каким образом?

— Сказал, начнешь побеждать, все девки твои. А мне как раз тогда очень нравилась одна сокурсница. Для нее я и старался.

— И она стала твоей?

— Много позже. Через три года после окончания универа. И она вышла за меня. Но успех у остальных девочек я имел. И ребята начали уважать. Появилась уверенность в своих силах.

Я в отличие от других спортсменов вуза стал даже лучше учиться.

Меж тем они уже отчалили. От разговора их отвлек капитан, предложил прохладительные напитки. Взяли по газировке и стали любоваться пейзажами. Днем сверху, сейчас с моря. С любого ракурса красиво.

— Купаться будешь? — спросил Иван.

— Обязательно.

— Тогда иди переодеваться.

Она спустилась в душевую, чтобы сделать это. Надев купальник, придирчиво посмотрела на себя в зеркало. Выглядит хорошо: занятия в зале даром не пропали. Правда, есть растяжки на теле, но она их не стеснялась. Нормально для рожавшей женщины иметь их.

Таня вернулась на палубу, с нее же и нырнула, яхта как раз пришвартовалась. Она плавала, а Иван наблюдал за ней и улыбался. Его глаза прятались за темными стеклами очков, но она знала, что под ними сейчас собрались лучики морщинок. Белые, в отличие от загорелого лица. Ей нравились они...

— Русалка, выныривай! — крикнул Иван. — Я уже соскучился.

— Еще пять минуточек.

— Скоро закат, а тебе еще нужно ополоснуться и переодеться.

Она уже и сама видела, что солнце опускается к горизонту. Осень, темно рано.

Таня сделала один кружок и взобралась на яхту. Пока она приводила себя в порядок, им накрыли стол (продукты привезли на моторке из ресторана в порту).

— Это для меня, — Иван указал на тарелку с креветками и кальмарами, — это для тебя, —

салат и что-то похожее на блины с начинкой, — это для нас! — На столе в ведерке со льдом стояла бутылка шампанского.

Уселась. Чуть на расстоянии, но соприкоснувшись коленями. Иван открыл шампанское, разлил его, а тут и закат. Таня много их видела, все были прекрасными, но этот... Он показался особенным, ведь она вместе с Иваном наблюдала за тем, как солнышко тонет в глади моря.

Они выпили за «Сансет» и принялись за еду.

— Какая вкуснятина, что это? — набив рот «блинчиком», проговорила Таня.

— Гюэлиме со шпинатом. Тут еще с картошкой и сыром. Не думал, что тебе придется по вкусу эта крестьянская еда.

— Почему же?

— Ты привыкла к другому, так ведь?

— Я выросла в семье медсестры и водителя «Скорой помощи». В детстве для меня печенье с маслом было самым лучшим лакомством. А когда меня отвозили к деду в деревню, я пареную репу уплетала за обе щеки. Так что к крестьянской еде я привыкла.

— Но с мужем ты жила в достатке?

— Да, и в ресторанах вкушали изысканные яства. А дома по-простому питались: сырники, пюре с котлеткой, борщ, капуста тушеная или морковный пудинг для... — Она хотела сказать «для дочки», но остановилась. О ней рассказывать Ивану рано. — Для того чтобы организмы получали больше витаминов.

— У вас был повар?

— Все сама. Этими самыми ручками. — Она поиграла пальцами. Иван перехватил ее кисть, поцеловал ее и не отпустил.

Стемнело стремительно. И стало прохладно.

— Пора возвращаться, — сказал Иван и обнял ее, чтобы согреть.

— Да, пора. — Она вжалась в него, так не хотелось, чтоб этот день заканчивался.

— Если я приглашу тебя в гости, это не будет наглостью?

— Я с удовольствием посмотрю на твою квартиру в турецком квартале.

— Она самая обычная, к тому же не моя, — хмыкнул Ваня. — И там легкий бардак, уж извини.

— Ничего.

Он что-то крикнул по-турецки капитану, и тут же заурчал мотор яхты.

Когда она тронулась с места, Иван легко приподнял Таню и усадил себе на колени. Их лица оказались на одном уровне. Губы близко-близко. Она понимала, что сейчас ее поцелуют. Она желала этого, но и страшилась. А вдруг не произойдет чуда, и бабочки, что сейчас порхают в ее животе, сложат крылья...

И вот его губы коснулись ее губ. Нежно, даже робко. Волоски его усов и бороды защекотали ей кожу. Это было непривычно. Тот, с кем Таня целовалась до этого, был всегда гладко выбрит. Что же касается юношеских любовей, то они могли похвастаться только пухом над губами. А тут борода! Ей почему-то казалось, что целоваться с мужчинами с растительностью на лице неприятно. Оказалось, ошибалась.

Губы Ивана стали более требовательными, но не наглыми. Бабочки в животе Тани не только не сложили крылья, а принялись махать ими более интенсивно. Они кружились в хороводе, а потом взмыли вверх, и непроизвольно... А еще неожиданно для самой себя... Таня застонала. Она ни разу в жизни не делала этого, целуясь. Это так ее смутило, что

она отстранилась. Чтобы это не показалось странным, покрыла поцелуями его шею. Теперь Иван не сдержался и... Нет, не застонал, а охнул.

— Быстрее бы на берег, — пробормотал он.

— Да...

— Надо остановиться.

— Надо. — А губы сами тянулись к его коже.

Она была чуть солоноватой, все же весь день на жаре, но Тане было плевать на это.

К счастью, они причалили. Иван, дав чаевые капитану и матросу, взял Таню за руку и повел к дороге. Он ничего не говорил. Молчала и она. Они поймали первое такси, сели в него и поехали. Не целовались, чтобы не смущать водителя, но Иван гладил ее по ноге, а Таня теребила волосы на его затылке. На подъезде к дому встряли в пробку.

— Выйдем тут, — бросил таксисту Иван. Хоть он говорил по-турецки, Таня его поняла.

И, выбравшись из машины, они побежали. Дешевые туфли из дерматина пережимали ступни, но Тане было плевать на это. Она готова была в кровь их стереть, лишь бы поскорее оказаться с Иваном наедине. И вот они в подъезде. По ступенькам тоже бегом — лифт нужно ждать, он на пятом, а им на третий. Когда Иван отпер дверь, они ввалились в квартиру и тут же бросились в объятия друг другу.

Глава 3

Она выбралась из кровати и на цыпочках прошла в кухню. Смертельно хотелось пить. Есть тоже, но голод Таня терпела с легкостью. Светало, и она не стала включать лампочки, чтобы не тревожить Ивана.

Налив себе воды из кувшина, она жадно выпила стакан. Хотелось фруктов, но в холодильник за ними лезть Таня постеснялась (некрасиво без разрешения). Она знала, они там есть, ведь они перекусывали ими ночью. Иван приносил фрукты и напитки в постель. А в ванную относил Таню на руках. И мазал ее стертые до крови ступни мазью.

Таня глянула на них. Уже не так страшно выглядят и почти не болят. Она налила себе еще воды и выглянула в окно. За ним — горы. Третья линия от моря, настоящий Турецкий квартал. Она глянула на часы, пять утра, значит, скоро зазвучит азан.

— Ты чего встала? — услышала она голос за спиной.

— Захотела пить.

— В следующий раз буди меня, я принесу.

— Вань, я ж не инвалид.

— Но ножка у тебя болит. — Он подошел к ней и так сильно обнял, что косточки захрустели. — Прости, я не рассчитал силу. Это от переизбытка чувств...

Таню они тоже переполняли, но она сдерживалась. Если б дала себе волю, затискала бы Ваню до смерти, а потом выдала: «Я не хочу с тобой больше разлучаться!»

Они за прошедшие часы несколько раз занимались любовью, и каждый акт был прекрасен. Даже первый, болезненный для женщины, что воздерживалась долгое время. Зато какой взрыв эмоций! Они даже до спальни не дошли, упали в гостиной на пол, покрытый искусственной шкурой. Потом Иван отнес ее в душ, они приняли его вместе, не переставая целоваться.

— Тебе же нельзя мочить татуировку, — вспомнила Таня, ощутив под своими ладонями пластырь.

— Начхать на нее.

Второй раз они занялись любовью в душе. Это было проблематично из-за габаритов Вани, но он так легко поднял Таню, что все получилось.

Уже в спальне они мазали друг друга лечебной мазью, он ее ноги, она его плечо. Татуировка оказалась странной.

— Что это за фигня? — спросила Таня, увидев какие-то непонятные черно-бело-синие фигуры на сером фоне.

— Картина Пикассо «Арлекин и женщина с ожерельем», — рассмеялся Ваня. — Шедевр, между прочим.

— Странно, что его с легкостью повторил татуировщик из обычного салона. И где же это выставляется?

— В Париже. В Центре культуры и искусства Жоржа Помпиду. На меня эта картина произвела колоссальное впечатление.

— А я Шишкина люблю. И Сезана. Твой мастер сможет набить мне «Утро в сосновом бору»?

— У тебя уже есть татуировка, хватит, пожалуй. Не скажешь, что подвигло тебя?..

— Как-нибудь в другой раз, — выпалила Таня. Тату тоже было связано с дочкой, даже сейчас говорить о ней — рано. Да и не к месту. — А теперь покорми меня чем-нибудь. Лучше фруктами.

— Этого добра навалом. Я на рынке вчера столько всего накупил.

Он притащил целое блюдо, на нем и виноград, и инжир, и персики, а еще экзотические драконий фрукт и папайя. Оказалось, в Алании выращивают и такое.

Наевшись, они легли спать. Но через какое-то время пробудились, чтобы еще раз заняться любовью. Уже на удобной кровати, размеренно, долго,

с прелюдиями. О некоторых Таня узнала впервые — муж ее сексуально не просвещал. Не хотел раскрывать? Боялся, что загуляет? Или самому было неинтересно все это «баловство»? Таня не знала, они с Виктором почти не говорили по душам...

— Танюша, ты голодна? — спросил Иван, отлипнув наконец от нее.

— Есть такое.

— Чего желаешь?

— Фруктов.

— Ты ж моя райская птичка, — с умилением проговорил он и достал фрукты из холодильника. — А я как пещерный человек хочу мяса! Тебя не смутит, если я буду готовить его при тебе? — Она покачала головой. — У меня гриль на балконе. Есть стейки, пойдём пожарим?

— Я — «за».

— И заварим чаю. — Он указал на плиту, на которой стоял двойной чайник. Один большой, второй, поменьше, сверху. Таня впервые такой видела. — Вот в нем он получается очень вкусным.

Они оделись и вышли на балкон. Таня с фруктами, Иван со стейками. До этого он организовал все для чаепития.

— Чем сегодня хотела бы заняться? — спросил он.

— Просто быть с тобой, — честно ответила она.

— Тогда ничего не планируем. А если ты захочешь гюзлиме, мы поедем их в ближайшей закуской. Тут идти три минуты. Или лучше закажем доставку?

— Нет, нет мы спустимся. У меня же есть сланцы.

— А в закуской — попугай. Говорящий!

— И много слов знает?

— Три. И все они русские. Первое «иди», второе — предлог «на», а третье неприлично вслух произносить.

— Турецкий попугай ругается нашим матом? — расхохоталась Таня.

— Я тоже обалдел, когда впервые туда зашел. Только порог преступаю, а меня тут же посылают. — Иван уже разогрел гриль и сыпал на стейки перец. — Приемный он, попугай. Залетел в закусочную с перебитой лапой. Облезлый был, больной. Выходили. Когда Абдула (так его зовут) оклемался, начал что-то орать. Хозяева не понимают. А тут у нас в квартале туристов почти нет, поэтому не сразу въехали, что он матюгается.

Пока он это рассказывал, Таня поражалась, что есть такие легкие в общении мужчины. С Витей ей было сложно. Он грузил ее. Даже если они выбирались вдвоем на «романтическое» свидание в честь годовщины свадьбы, муж то о каких-то своих проблемах рассказывал, то обсуждал оценки детей, то мягко, но настойчиво указывал Тане на те ошибки, которые она допускает. Делая комплимент, муж не забывал добавить пожелание. Типа, тебе очень идет эта прическа, но в следующей раз не распускай волосы, они могут в тарелку упасть. Женщина, что живет с пьяницей, дебоширом, тунеядцем, сказала бы — тоже мне проблема! Деньги носит, детей любит, обо всех заботится, чего тебе еще надо, зажавшаяся ты дрянь? И была бы по-своему права. А Тане не хватало именно легкости в отношениях (о любви уже не мечтала). Витя был вечно напряженным. Контролировал и себя, и подчиненных, и членов семьи. В том числе мать. Она одна его вырастила, и он, разбогатев, дал ей все, что можно купить за деньги, но только не свободу. Не позволил съехаться с женщиной, которого

она выбрала, перебраться жить в другой город, сделать подтяжку. Виктор не тиранил, но сильно давил. И только Ангелина не поддавалась. Она ускользала из его сжатого кулака. Поэтому у них были натянутые отношения...

— Ты опять погрустнела, — заметил Иван. Он был очень внимателен. А Таня... Она не могла не вспоминать о дочке. Да и не хотела, поэтому сделала татуировку в ее честь.

— Нет, я просто задумалась.

— О чем?

— О том, что вчера забыла позвонить сыну. — И это было правдой. — Он участвовал в научной выставке, а я даже не спросила, какое место занял.

— А говорила, не вундеркинд!

— Нет, он одаренный и старательный. Но без каких-то сверхспособностей. Твой чем увлекается?

— Рэпом. Как и все его приятели. Для них учеба — отстой. В том числе в музыкальной школе. Он ходил, бросил. Сейчас записывает с корешами какие-то треки... Я ни черта не понимаю, о чем они. Надо же поддерживать, я стараюсь, но...

— Это же прекрасно, когда твой ребенок творит.

— Если в свободное от занятий время, то ради бога. Ему скоро четырнадцать, надо думать о поступлении в вуз.

— Какой ты нудила, оказывается, — хохотнула Таня.

Иван поддержал ее смех.

— А еще так себе повар, стейки снимать пора, они горят.

Они поели. После выпили чаю. И пошли досыпать.

В обед выползли из дома, чтобы посетить закускую с матерящимся попугаем. Думали сходить

на море, но так не хотелось удаляться от дома, где их ждала удобная кровать. И они поплавали в бассейне.

Вечером, когда уже стемнело, а все еще не появилось желание выходить в люди, они снова засели на балконе. На сей раз жарили овощи и сосиски.

— Поедем послезавтра в Бодрум? — предложил Иван. — Это не очень далеко, часов восемь езды. Я возьму напрокат машину, и мы с тобой с ветерком...

— Я с радостью.

— Очень красивый город на Эгейском море. Там сейчас не жарко, так что купаться будет не комфортно. Поэтому завтра я предлагаю тебе насладиться пляжем, а сам я кое-какими делами займусь. Все забросил, надо наверстать.

— На сколько дней поедем?

— Зачем загадывать?

— То есть мне с собой брать все?

— Да, — просто ответил он. — Задержимся на столько, насколько захотим, а потом либо вернемся, либо отправимся в Стамбул.

— Как же машина?

— Возьму ее в аренду у фирмы с филиалами во всех крупнейших городах.

— А если мы поедем не послезавтра, а дня через четыре? Хочу закупаться вдоволь. — Ей вдруг показалось, что на нее давят, пусть и мягко.

— Ты погоду смотрела? Завтра последний солнечный день. Потом дожди. А в Бодруме как раз солнечно.

И они договорились выехать послезавтра часиков в шесть утра. А эту ночь и утро провести вместе.

На следующий день, ближе к обеду, Иван проводил Таню до отеля. Она тут же оделась во все

пляжное и помчалась на море. Вернулась к окончанию ужина, быстро перекусила тем, что осталось, немного развлеклась, посмотрев анимационную программу, выпила бокальчик вина и пошла собирать вещи. Завтра рано вставать!

И тут раздался телефонный звонок...

Глава 4

Он подъехал к отелю без десяти шесть, позвонил Тане.

— Аппарат абонента выключен, — услышал он.

Разрядился телефон? Скорее всего. Они разговаривали вчера в десять вечера, Татьяна сказала, что поужинала и направляется к себе в номер, чтобы собрать вещи. Через час Иван написал ей СМС, ласковое, но и интимное, она его не прочла. Уснула, решил он. И тоже стал укладываться. Знал, что так рано не уснет, но можно просто полежать, посмотреть что-нибудь интересное. По работе он все дела сделал, машину арендовал, сумку в дорогу собрал, что остается? Только ждать утра, чтобы снова увидеть Таню.

Он уже скучал по ней, но понимал, что им обоим нужно выспаться перед дальней дорогой. Впереди вся жизнь!

Иван вышел из машины, проследовал к ресепшену. За стойкой сидел сонный парень с телефоном и, судя по картинке на экране, рассматривал девушек в приложении знакомств. Оно было русским.

— Доброе утро, — поприветствовал его Ваня.

Тот кивнул.

— Тебя как зовут?

— Марат.

— Я Иван. Будь другом, позвони в номер 709. — Он видел ключи с брелоком, Таня их не сдавала, а таскала с собой. — Мобильный у девушки, что живет в нем, разрядился.

Марат подвинул к себе допотопный кнопочный аппарат и ткнул в нужные клавиши.

— Не отвечает, — резюмировал он после тридцати секунд.

— Странно...

— Загуляла, бывает.

— Нет, мы должны в Бодрум ехать сейчас. Может, так крепко спит? — Парень пожал плечами. — Мы можем сходить, постучать?

Марат кисло посмотрел на Ивана. Тот достал двадцать долларов и незаметно ему передал. Парень сразу воодушевился.

— Ладно, пошли.

— Ключик универсальный на всякий случай захвати, — шепнул Иван.

Они поднялись на нужный этаж, подошли к двери. Стучали настойчиво, но им не открыли. Иван велел Марату отпирать. Тот так и сделал.

Они зашли в номер. В нем никого. Но постель примята, влажное полотенце на спинке стула, полно вещей, в том числе с бирками, и они сложены стопкой возле спортивной сумки. Очевидно, не влезли в нее. Однако ни документов, ни кошелька, ни планшета, ни телефона, зарядников тоже нет. Будто человек взял с собой только самое необходимое и сбежал второпях.

— Ты знаешь девушку, что занимает этот номер? — спросил Иван.

— Я ночной портье, вижу только тех, кто с дискотек возвращается. Она тусовщица?

— Нет.